

ГОРОД N

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Даниил Бирский

Город Н

«Автор»

2026

Бирский Д.

Город Н / Д. Бирский — «Автор», 2026

Война для Ильи «Юродивого» не закончилась — она просто сменила декорации. Вернувшись с фронта с тиннитусом и пустотой в глазах, он устроился опером в районный отдел полиции провинциального Города N. Города, где полиция, братва и оппозиция давно срослись в единый организм, где закон — это то, что скажет полковник Громов, а справедливость продаётся оптом и в розницу. Всё меняется, когда Илья находит на свалке тело молодой девушки. Она сидит за школьной партой — белые банты, белый фартук, кровь на шее. На её груди — военный жетон «Шальных», ветеранов, которых государство списало в утиль, а город сделал пушечным мясом для грязных дел.

© Бирский Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Даниил Бирский

Город Н

Глава

ГОРОД Н

История первая. ТРУДНЫЕ ПОДРОСТКИ

1. НАХОДКА

Война кончилась.

Так мне сказали. Врачи в госпитале — когда снимали швы. Чиновники в военкомате — когда ставили печать. Мать по телефону — когда плакала в трубку. Война кончилась, сынок. Иди живи.

Я вышел на гражданку. Купил пакет молока в ларьке. Посмотрел на очередь — женщины с сумками, мужик матерился в телефон. Жизнь.

А через месяц нашёл вот это.

Ночь. Промзона. Свет фар выхватывает из черноты горы мусора, ржавые конструкции, стаю бродячих собак. Они смотрят на меня и молчат. Знают — сюда просто так не приезжают.

В ушах звенит. Тиннитус — подарок с фронта. Я лезу в карман, вставляю наушники, включаю белый шум. Мир становится чище. Тишина — это не отсутствие звука. Тишина — это когда ты перестаёшь слышать собственную голову.

Я выхожу из машины. Дождь. Холодные капли за шиворот. Иду через свалку, и собаки расступаются передо мной, как перед прокажённым. Я для них — чужой. Я для всех чужой.

Девочка сидит за партой.

Старая школьная парта посреди мусорных гор — как памятник. Девочка в школьной форме. Белый фартук, белые банты, голова упала на грудь. Из горла — красное, густое, уже почти чёрное.

Я стою и смотрю.

Банты белые. Как на линейку. Как в первый класс. Только вместо букваря — пустота. И тишина. Только белый шум в наушниках, только дождь по ржавому железу, только мой пульс где-то в висках.

Война не кончилась. Она просто сменила декорации.

Там я знал, кто враг. Там всё было просто: стреляешь — убиваешь — идёшь дальше. Здесь... Здесь враг носит форму. Как я. Враг сидит в кабинете. Враг улыбается тебе в лицо и хлопает по плечу: «Ну что, герой, освоился?»

Я не освоился.

Я обхожу парту. На шее девочки что-то блестит. Наклоняюсь. Армейский жетон. Металл холодит пальцы. Читаю: номер части, группа крови, имя — «Птаха».

Я знаю, кто это.

Вернее — знаю, чей это. В городе есть место, где живут люди с такими жетонами. «Шальные». Ветераны, которых государство списало в утиль. Они живут в заброшенном общежитии на окраине и работают на Палыча — теневого хозяина города. Грязная работа для грязных денег.

Я снимаю жетон. Прячу в карман. Смотрю в темноту — там, за свалкой, мигает неоновая вывеска: «Бар "У Бобра"».

Собака воет. Одна. Остальные молчат.

— Там было проще, — говорю я вслух. — Там был враг. Здесь... все свои. И все чужие.

Я иду к машине. Нужно ехать в отдел. Нужно доложить Громову. Нужно сделать вид, что я всё ещё служу закону.

Хотя я уже не уверен, что закон существует.

2. ОТДЕЛ

Утро. Подвал старой хрущёвки. Стены до середины выкрашены зелёной краской — цвет больничной плитки, цвет тоски. Лампа дневного света мигает. Где-то капает вода. Пахнет хлоркой и дешёвым табаком.

Кабинет полковника Громова. Он сидит за столом — огромный, вислоусый, лысый череп блестит под лампой. Перед ним снимки с места преступления. Он держит один, рассматривает с выражением лёгкой брезгливости, как энтомолог — редкое насекомое.

Я стою навытяжку. По стойке смирно. Как учили.

— Слушай, Юродивый... — Громов откладывает фото. — Красивая была девочка. Как кукла. Ты кукол в детстве любил?

Молчу.

— Нет? Я тоже. Солдатики больше. Стойких оловянных. Они не ломаются. А куклы... куклы ломаются легко.

Он вздыхает, откидывается в кресле.

— Спишем на бытовуху. Сама виновата. По малолетке шлялась ночью. Понял?

Спишем. Конечно. Здесь всё списывают. Убийства — на бытовуху. Бюджеты — на распил. Совесть — на пенсию. Полковник Громов — гроза района. Гроза и крыша в одном флаконе. Он смотрит на меня и ждёт, что я кивну. Как всегда. Как все.

Я молчу.

— Ты оглох, Юродивый? — он прищуривается. — Или опять звон в ушах? Говорил тебе — сходи к врачу. Спиши на травму. Отдохни.

— Жетон на ней, — говорю я. — Армейский. Это «Шальные». Я знаю их.

Громов медленно поднимается. Стул скрипит под его тяжестью. Он нависает надо мной — от него пахнет одеколоном и почему-то сырым мясом.

— «Шальные» — это моя территория. Я с ними разберусь. Ты — не лезь. Ты у нас теперь кто? Опер районного масштаба. Вот и оперируй. Кражами велосипедов. Драками в «Пятёрочке». А это... это взрослая игра. Понял?

Его глаза смотрят в мои. Две тусклые пуговицы. В них нет угрозы — в них факт. Факт того, что я никто. Винтик. Расходник.

— Так точно, — говорю я.

Поворачиваюсь и выхожу. За спиной слышу, как он берёт телефон. Набирает номер. И перед тем, как дверь закрывается, до меня доносится:

— Твой юродивый учуял след, Родион. Прибери за собой. Или я приберу всех.

Родион. Я запоминаю это имя. Пока не знаю, кто это. Но узнаю.

В коридоре останавливаюсь. Зелёный свет лампы заливает моё лицо. В зеркале напротив вижу себя — человека, которого не помню. Форма сидит плохо. Глаза запавшие. На виске — шрам от осколка.

Там было проще. Там был враг.

Здесь — все свои. И все чужие.

3. КРЕПОСТЬ

«Крепость» стоит на окраине — заброшенное заводское общежитие, каких в нашем городе десятки. Серый бетон, разбитые окна, ржавые пожарные лестницы. Над входом — флаг с надписью «Груз 200 — мы уже мертвы».

Я прохожу через двор. Из окон выглядывают люди в камуфляже. Тихие, опасные. Один сидит на корточках, точит нож и провожает меня взглядом — долгим, недобрым. Я не отвожу глаз. Я здесь не чужой. Я был там, где и они.

Внутри пахнет тушёнкой, оружейным маслом и сыростью. В углу горит керосинка. На стенах — шевроны с черепами, фотографии погибших, наспех распечатанные на принтере. Мальчики, которые не вернулись.

Шрам встаёт мне навстречу.

Пол-лица в ожогах — розовая, стянутая кожа, левый глаз закрыт мутным протезом. Правый смотрит остро, цепко. Он старше меня лет на десять. Сержант. Легенда. Он вытащил меня из-под обстрела под Бахмутом. Я был оглушён, ранен, ничего не соображал. А он взвалил меня на спину и тащил три километра. Пули свистели — он шёл. Мины рвались — он шёл. Я говорил: «Брось меня, сержант, я — груз двести». Он отвечал: «Заткнись, Юродивый, ты ещё поживёшь».

Я пожил. И вот пришёл. По другую сторону.

Мы обнимаемся. Крепко. Без слов. Слова между нами не нужны — мы говорили их там, под огнём.

— Здорово, Илюха, — говорит он, отпуская меня. — Садись. Чай будешь? Или что покрепче?

— Я по делу, Серёга.

Я кладу на стол жетон. Металл звякает о дерево.

Шрам смотрит. Его лицо не меняется — только протез чуть дёргается, как будто мёртвый глаз хочет увидеть то, что видит живой.

— Птаха. Пацан мой, — тихо говорит он.

Он поворачивает голову в угол. Там, на матрасе, свернувшись калачиком, спит парень. Совсем молодой. На нём бушлат, в ушах — наушники, из которых тихо сочится шум дождя. Руки даже во сне трясутся — мелкой, непрерывной дрожью.

Двадцать три года. Вернулся месяц назад. Не спит без наушников — дождь заменяет ему тишину. На войне дождь — это затишье. Передышка между обстрелами. Здесь, на гражданке, дождь — это единственный способ не слышать голоса. Те, что остались там.

Я его понимаю. Я сам живу с белым шумом в ушах.

— Птаха! — громко зовёт Шрам. — Подъём.

Парень вздрагивает, просыпается мгновенно — привычка. Смотрит испуганно, рука дёргается к несуществующему автомату. Потом узнаёт Шрама, меня — и выдыхает.

— Вчера ночью где был? — спрашивает Шрам.

— В «У Бобра». С Димоном и Котом. Пиво пили. А что?

— Девочку убили. На свалке. Твой жетон на ней.

Птаха бледнеет. Его руки начинают трястись ещё сильнее. Смотреть на это больно — как будто у человека внутри работает какой-то сломанный мотор.

— Я не... Я не знаю... Какой жетон? У меня украли... Неделью назад... Я хотел сказать, но думал — фигня, ну жетон, у всех есть...

Он заикается, почти плачет. Ему двадцать три, а он выглядит на сорок. Война старит быстрее времени.

— Он не врёт, — говорит Шрам мне. — Птаха бабу пальцем не тронет.

— Я знаю. — Я смотрю на парня. — Я не за ним пришёл. Мне нужна помощь. Кто-то убивает и вешает на вас. Птаха проведёт меня по вашим точкам. Поможет найти настоящего.

Шрам долго смотрит на меня. В его глазу — взвешивание. Что перевесит — старая дружба или новое недоверие?

— Мы теперь по разные стороны, мент, — говорит он наконец. — Но ты был нашим. И Птаху я тебе дам. Только если что случится с пацаном...

— Я знаю. Шкуру снимешь. Лично.

— Именно.

Мы пожимаем руки. Моя — в полицейской форме, чистая, без шрамов. Его — в ожогах, наколках и крови. Две руки. Две стороны одной войны.

Я понимаю его. Здесь, на гражданке, у них нет ничего, кроме друг друга. Палыч дал им крышу и деньги. Менты плюют в спину. Обычные люди шарахаются на улице. Они — «Шальные». Ничьи. И если умирает один — отвечают все. Закон стаи. Закон войны.

Единственный работающий закон в этом городе.

4. БАР «У БОБРА»

Вечер. Бар на первом этаже хрущёвки. Неоновая вывеска «У Бобра» мигает розовым — единственный цвет в этом чёрно-белом мире.

Внутри — прокуренное помещение, липкие столы, из колонок хрипит советская эстрада. Здесь все: менты в штатском, братва в спортивных костюмах, ветераны с шеvronами. Дым стоит столбом, хоть топор вешай. В углу играют в нарды — кости стучат как пули.

Мы с Птахой сидим за столом у стены. Перед нами — две кружки пива, нетронутые. Птаха нервничает, колено под столом ходит ходуном.

— Зачем мы здесь? — спрашивает он. — Я не хочу...

— Здесь все всё знают. Бармен — стукач. Официантка — бывшая братвы. Вон тот, в углу, стучит Громову. А тот, у стойки, — Палычу. Если убийца — кто-то из местных, мы узнаем.

Дверь распаивается.

Входит Филя.

Тощий, вертлявый, с прыгающей походкой. На голове — розовая панамка Prada. Золотая цепь поверх спортивной кофты. Кроссовки Dolce & Gabbana, заляпанные грязью. С ним трое — Диман, Кекс и здоровенный амбал Боксёр.

Филя. Погоняло «Шестёрка». Правая рука Палыча, но не та, что в дорогих перстнях, а та, что в крови по локоть. Грязная работа для грязных людей. Одержим хайпом, ведёт стримы, мечтает стать авторитетом. Но ума не хватает. Такие опаснее всего — чем глупее, тем злее. Им не нужна причина для жестокости, им нужен повод.

Филя замечает Птаху. Ухмыляется. Я вижу, как в его голове проворачивается мысль — медленно, со скрипом, как несмазанный механизм.

— О! — орёт он на весь бар. — Гляньте, кто тут! Герои! Защитнички!

Он идёт к нашему столу, вихляя бёдрами. Его свита — за ним.

— Чё, Птах, пришёл пивка попить? А ты в курсе, что тут всё платно? Или думаешь, тебе как ветерану медаль нальют?

Птах сжимает кружку. Молчит. Костяшки белеют.

— Чё молчишь, контуженный? — Филя наклоняется ближе. От него разит перегаром и дешёвым одеколоном. — Там, на войне, ты крутой был. А тут — ноль. Без денег, без баб, без мозгов. Ты зачем вообще вернулся? Там бы и остался. Меньше бы проблем.

Он берёт со стола кружку Птах. Пьёт из неё, глядя ему в глаза. Потом выливает остатки пива ему на голову. Медленно, с наслаждением.

Тишина. Только музыка из колонок — «Луч солнца золотого...».

Есть момент. Он всегда один. Секунда между «терпеть» и «убить». На войне я научился его замечать — в глазах противника, в подрагивании пальца на спусковом крючке. Здесь я почти забыл это чувство. Но сейчас вижу его в глазах Птах. Зрачки расширяются. Дыхание останавливается.

Момент настал.

Птаха срывается.

Он не кричит. Не угрожает. Он просто хватает вилку со стола и вонзает Филе в щёку. Один удар. Быстрый, как выстрел.

Филя орёт. Кровь брызжет на розовую панамку — ярко-красное на ядовито-розовом. Красиво, если вдуматься. Если уметь видеть красоту в насилии.

Боксёр бросается на Птаху. Я подсекаю его ногой — профессионально, с оттяжкой. Он валится, хватаясь за колено.

Диман и Кекс наваливаются толпой. Птаха дерётся как зверь — он не думает, его тело помнит. Удар головой в переносицу — хруст. Стул ломается о спину Димана. Осколки кружки входят Кексу в плечо.

Я работаю рядом — спокойно, без эмоций. Захват. Болевой. Короткий удар в висок. Тела падают одно за другим.

Бармен прячется за стойкой. Кто-то орёт. Кто-то пытается вызвать подмогу. Музыка продолжает играть — «Луч солнца золотого» под аккомпанемент ломающихся костей.

В финале Птаха сидит верхом на Филе. Он методично бьёт его лицом об пол — раз, другой, третий. Лицо Фили превращается в кровавую маску. Розовая панамка валяется рядом — уже не розовая, а бурая.

— Хватит! — я хватаю Птаху за плечи. — Хватит, я сказал!

Он не слышит. Он в трансе — там, на войне, где враг должен быть уничтожен полностью. Я даю ему пощёчину. Голова дёргается. Он замирает, смотрит на свои руки, перепачканные кровью чужого и своей, и его начинает трясти.

— Братан... — шепчет он. — Я... я что... я преступник теперь?

— Ты — свидетель, — я выволакиваю его через чёрный ход. — Идём. Быстро.

За спиной остаётся бар, полный дыма и стонов. Филя лежит в луже крови. Он ещё жив. Он хрипит сквозь сломанные зубы:

— Ты труп, контуженный... Ты — ноль... Я до тебя доберусь...

Я знаю — доберётся. Такие всегда добираются. Но не сегодня.

Сегодня мы уходим через чёрный ход.

5. НА СТУПЕНЬКАХ

Ночь. Дождь. Мы сидим на ступеньках у чёрного хода. Птаха курит. Его руки дрожат так, что сигарета прыгает, выписывая в воздухе нервные траектории. С фильтра срываются капли крови — не его.

Я смотрю на город. Серые коробки домов, жёлтые окна, неон, мокрый асфальт. Дождь смывает кровь с моих ботинок, но не с памяти. Этот город умеет прятать грехи. Складывает их в подвалы, как старую мебель, как ненужные вещи. А потом, в самый неподходящий момент, достаёт и показывает.

— Я не хотел, — говорит Птаха. Голос глухой, как из-под земли. — Он сам... Я просто... Я там был нужен. Понимаешь? Нужен. А тут... Тут я кто? Груз двести. Только живой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.